

О.В. Марченко

Памяти В.Ф. Эрна

В статье речь идет о русском философе Владимире Францевиче Эрне (1882–1917), для творчества которого центральной была тема Логоса. Саму русскую религиозную философию Эрн понимал как философию Логоса, которая противостоит, в его представлении, новоевропейской философии *ratio*. Автор рассматривает основные элементы философской концепции Эрна, программное произведение которого носит название «Борьба за Логос».

Ключевые слова: Вл. Эрн, Логос, *ratio*, русская философия, православие, протестантизм.

Наряду с разными иными громкими датами в 2017 г. отмечается столетие смерти одного из самых интересных русских философов начала XX века Владимира Францевича Эрна (1882–1917); в частности, очередная, пятая, Международная конференция «Музыка – Философия – Культура», проведенная Московской государственной консерваторией в апреле этого года, была посвящена памяти В.Ф. Эрна и П.А. Флоренского. Религиозный мыслитель, историк философии, публицист, близкий друг Флоренского и Вяч. Иванова, один из самых ярких и продуктивных авторов религиозно-философской группы «Путь», Эрн приложил много усилий для прояснения специфики русской философии, – философии Логоса, противостоящего, в его понимании, новоевропейскому «рацио».

Еще в гимназические годы Эрн с Флоренским читали и продумывали диалоги Платона, к наследию которого оба обращались на протяжении всей последующей жизни¹, обсуждали проблематику

учения В.С. Соловьева, а также работы его друзей и соратников, Л.М. Лопатина и кн. С.Н. Трубецкого. Позже в Московском университете Эрн и Флоренский слушали лекции Лопатина и Трубецкого, прекрасных знатоков древней и современной философии. Впоследствии Эрн станет доцентом Московского университета, подготовит две историко-философские диссертации, будет вести принципиальную полемику с русскими философами неокантианской ориентации журнала «Логос»².

Важность для Эрна и Флоренского университетских лекций и сочинений С.Н. Трубецкого нужно отметить особо. Старинный друг и соратник Вл. Соловьева, заинтересованный собеседник Адольфа фон Гарнака и Германа Дильса, именно Трубецкой энергично подчеркнул роль *протестантизма* для генезиса и самой сути европейской философии Нового времени как философии *субъекта* прежде всего. Имея в виду личность как принцип субъективной достоверности, Трубецкой утверждал: «Верховный принцип новой философии есть идея личности, ее критерий – личное убеждение, ее исходная точка – личное сознание в троякой форме: личного откровения (реформа немецких мистиков) – личного разума (реформа Декарта) и личного опыта (реформа Бэкона)» («О природе человеческого сознания» 1890 г.)³. К этим характеристикам Трубецкого восходит эрновское, разделяемое и Флоренским, понимание новоевропейской философии как философии *ratio*, «рационализма»⁴. Вместе с тем, именно Трубецкой противопоставил новоевропейскому субъективизму учение о *соборности* человеческого сознания, а также внимательно и обстоятельно проследил учение о *Логосе* в его истории (докторская диссертация 1900 г.), предоставив ресурсы для эрновской концепции антично-христианского «*логизма*».

Еще одна тема, которая волновала Эрна, – православие и католичество в их сходстве и различии, наряду с иными темами он обстоятельно обсуждает ее с Вяч. Ивановым в начале 1910-х гг. в Риме⁵. Здесь он работает над диссертациями, посвященными итальянским мыслителям XIX в. Антонио Розмини и Винченцо Джоберти; монографии о них выйдут в 1914 и 1916 соответственно (кстати, книга о Розмини недавно вышла в итальянском переводе)⁶. В начале XX в. мировая философская мысль усиленно продумывает проблему плюральности опыта и знания. Название знаменитой работы Уильяма Джеймса, переведенной на несколько языков, «Многообразие религиозного опыта», вполне может быть одним из центральных символов эпохи. Над многообразием национальных форм и стилей философствования размышляют Пьер Дюгем, Макс Шелер, позднее – Стефан Харрасек, в России – В.В. Розанов,

Н.А. Бердяев, А.С. Глинка-Волжский и др., все они пытаются выявить особенности британской, французской, немецкой, польской, русской мысли. И тот факт, что создатель весьма своеобразной и глубокой концепции русской философии был одновременно и замечательным исследователем еще одной философской традиции, итальянской, значим и показателен.

Важно, что, будучи философом академического, институционального типа (а не, скажем, философствующим публицистом или каким-нибудь «свободным художником»), Эрн профессионально обращался к продумыванию основных моментов традиционной философской проблематики. Напомню, что его работы посвящены тематизации понятия «научное знание» («Природа научной мысли»), исследованию природы мышления («Природа мысли»), философскому «сомнению» как имманентному компоненту мышления («Природа философского сомнения»), фундаментальному вопросу о «началах» мышления («Исходный пункт теоретической философии»), проблематизации понятия «истина» («Критика кантовского понятия истины») и др. Эрн имел все основания подчеркивать, что важнейшее для него противопоставление новоевропейского *ratio* и антично-христианского Логоса есть результат не культурно-исторических соображений, но именно гносеологического анализа. Полемиические выступления Эрн всегда имеют фундаментом основательную проработку общеправославной проблематики. И потому в истории русской мысли Эрн интересует не некая около-философская и тем более не вне-философская, но именно традиционно-философская проблематика: теория знания, онтология, антропология и т. д., имеющая, на его взгляд, у оригинальных русских философов своеобразное (отличное от «рационалистического») решение. И концепция оригинальной русской философии в качестве главного компонента включает описание специфики работы «механизма» именно философского мышления, общего для целого ряда внешне непохожих друг на друга мыслителей: Г.С. Сковороды, М.М. Сперанского, П.Я. Чаадаева, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, А.М. Бухарева, П.Д. Юркевича, В.С. Соловьева, А.А. Козлова, Н.Ф. Федорова, С.Н. Трубецкого, Л.М. Лопатина, Вяч. Иванова и др., а также Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова (XX в. продолжил этот ряд десятками блестящих имен)⁷.

Кризис современной европейской мысли связывается Эрном с фатальным для новоевропейской философии самоопределением философского разума как *ratio*. Чрезвычайно важно, что имеется в виду не Запад в целом, но основная магистраль новоевропейской

философии, противостоящая в рамках самой западной культуры онтологическим интуициям Античности и Средневековья, – фатальный *двойник* Запада («страны святых чудес», по знаменитому выражению Хомякова). Понятие двойника у Эрн наполнено совершенно конкретным содержанием: имея солидную европейскую литературно-философскую традицию, тема двойника и двойничества впечатляюще раскрылась в русской литературе, прежде всего у Гоголя и Достоевского (последний особенно гордился своей разработкой), причем тема *двойничества* соотносилась с темой *сумасшествия, безумия*. Генезис и оформление *ratio* связывается Эрном, учеником С.Н. Трубецкого, с прото-протестантскими интуициями, вызревавшими в лоне великой католической культуры, в схоластике, гуманизме Возрождения, религиозном психологизме Реформации, но ключевым пунктом оказывается метафизический и гносеологический индивидуализм Декарта (в чем на протяжении последних полутора столетий солидарны такие разные мыслители, как Ч. Пирс, В.С. Соловьев, Л.П. Карсавин, Ж. Маритен, Э. Жильсон, М. Хайдеггер, М. Фуко, Ж. Деррида, В. Хёсле). Картезианский *ratio*, остающийся при всех модификациях по сути неизменным на протяжении магистральной линии новоевропейской философии (включая британский эмпиризм, поскольку данные «опыта» обрабатываются тем же *ratio*), окончательное концептуальное закрепление получает у Канта, Гегеля (апогей индивидуализма и субъективизма) и в неокантианстве. Подчеркнем, что Эрн критикует не разум как таковой (позиция иррационализма, скажем, кьеркегоровского или шестовского типа, была для философа неприемлема), но именно *частную* форму его новоевропейского самоопределения: *ratio*.

Ratio есть тот *образ*, в котором предстала *себе самой* мысль в рефлексии новой философии. <...> Это попытка самоопределения мысли, сделанная в определённый момент, и легшая в основу всего нового и новейшего философствования⁸.

Показывая историчность и логическую необязательность такого самоопределения мысли, Эрн отмечает тем самым эпистемологический разрыв между *ratio* – и умозрением Античности и Средневековья. Продумывая механизм образования ряда понятий, характерных для «рационализма» (трансформация античной *φύσις* и средневековой *natura creata creans* в новоевропейскую «природу» (*natura*) и «материю», понятие «трансцендентального субъекта» и др.), Эрн показывает, что лежащий в его основе *опыт*, непосред-

ственно связанный с суженным, ущербным пониманием человека, есть *научный* опыт:

Опыт научный есть орудие посюстороннего самоутверждения, с которым смертно борется мистический опыт христианства. В опыте научном самоутверждает себя эмпирический человек и *в нем идеально отлагается*. И если, с одной стороны, этим предрешается безусловная эмпиричность и исключительная феноменальность научного опыта, то, с другой стороны, в нем эмпирический человек фиксирует и запечатлевает себя гносеологически⁹.

Таким образом, за центральными понятиями «рационализма» с его апелляциями к «фактам науки» стоит *произвольный акт самоутверждения*, отождествляющий человека в неизмеримости и ноуменальности его сущности с человеком, взятым в «ограниченности и оторванности его посюсторонней эмпирии», – одномерным существом, вся деятельность которого направлена на осуществление в «земном», мирском плане и полностью в нем исчерпываемом.

«Рационализм» влечет за собой «меонизм» (отрицание сущего как живого бытия, онтологический нигилизм; от греч. μή ὄν – «не сущее»), жесткий детерминизм, представление сущего не как личности, но как вещи. Сущее с необходимостью становится объектом человеческого насилия, в результате чего опредмечивается и сам человек, теряющий свое ноуменальное ядро. Эрн особенно подчеркивает связь ratio с теорией непрерывного линейного прогресса, утилитаризмом и культом техники, превращающих природу – если воспользоваться ярким образом Хайдеггера – в «бензоколонку», и подменяющих укорененную в свободе культуру («солидарная преемственность творчества») ее «изнанкой» – цивилизацией как овеществленным «рационализмом». Тезис о методическом солипсизме, аутизме трансцендентального субъекта, его разрыве с сущим предельно заостряется Эрном констатацией связки ratio-безумие, в полной мере обнаруживающей себя в современном мире. На следник «рационализма», XX век «не остался в долгу перед веком прешествующим: в неожиданных мировых масштабах он явил возведенную в систему, теоретически обдуманную практику потрясающей *бесчеловечности*»¹⁰. Откликаясь на выход его работ «Меч и Крест» и «Время славянофильствует», Флоренский писал своему другу 12 сентября 1915 г.:

Милый Володя! С радостью я увидел в Ваших книжках историческое подтверждение сказанного Вами ранее в «Борьбе за Логос»

и в «Природе мысли». Дай Бог, чтобы и дальнейшая история согласовалась с Вашим диагнозом, т. е. чтобы то, что Вы называете «логизмом», восторжествовало. В этом именно смысле вот уже 8-й год я стараюсь воспитывать умы и сердца своих слушателей и учеников. Хочется думать и надеяться, что они хотя и не станут творцами «нового» жизнепонимания, но сумеют быть чуткими к нему, когда оно будет выражено кем-то, кому еще надлежит быть¹¹.

Новоевропейскому «рационализму» Эрн противопоставляет антично-христианское умозрение, именуемое им «логизмом» (от λόγος), в основе которого лежит *динамический* опыт бытийного возрастания личности, взятой в ее *ноуменальной* глубине, на пути к предельной своей осуществленности. Высшей формой такой осуществленности является опыт подвижничества, *святость*. Не «учение», не «идея», но именно *святые как новая бытийная реальность* в истории человечества, «первѣны чаемого соединения Бога с человеком» (по выражению Вяч. Иванова).

В отличие от ratio, Логос – принцип *объективно-божественный*, а не субъективно-человеческий. В целом, «логизм» есть учение о божественном Логосе как истоке бытия и мышления, восходящее к античному онтологизму Парменида и Платона, развитое «гениальным платоником» Аристотелем, неоплатониками и воцерковленное усилиями отцов и учителей Церкви периода догматических движений, в «Ареопагитиках», в энергетизме Григория Паламы. И задача современной философии, по Эрну, заключается в подвиге творческого раскрытия основных прозрений антично-христианского «логизма» в утонченных терминах современного мышления. Эрн хотел «творческого возрождения *метода и духа* святоотеческого философствования». «Восстановление порванной нити и возвращение к корням святоотеческого синтеза должно быть делом абсолютной *свободы*»¹². Причем не следует уподобляться Декарту и отрываться от культурной традиции новой философии, подчеркивал Эрн. «Возвращение к святоотеческому синтезу может быть реализовано через творческий синтез внехристианской новой философии с содержанием христианского учения»¹³. Не «назад к логизму», но «вперед к логизму!» – не уставал повторять Эрн, что оказалось принципиально важным для его внимательного читателя Г.В. Флоровского¹⁴. Отмечая специфическую «двувозрастность» отечественной культуры Эрн утверждал:

Русская философия... всю значительность свою и всем своеобразием обязана умопостигаемому месту, занимаемому Россией в

чреде времен и пространств. Живая наследница Восточного православия, Россия в таинственной глубине своего народного существа носит нетленными и вечно живыми религиозные и умозрительные достижения великих отцов и подвижников Церкви. Россия существенно православна, и логизм восточно-христианского умозрения, внешним образом не только в России, но и на Западе не изученный, есть для России *внутренне* данное. И в то же время Россия приобщена к новой культуре Запада. <...> Внутренне унаследовав логизм и нося его, так сказать, в своей крови, Россия философски осознает его под *непрерывным реактивом* западно-европейского рационализма. Вот основной факт русской философской мысли. Историческая встреча и завершительная битва между началом божественного, человеческого и космического Логоса и началом человеческого, только человеческо-го ratio есть достояние и удел России¹⁵.

В вопросе о генезисе и сущности оригинальной русской философии Эрн отводит новоевропейской философии несравненно более важную роль, нежели банальное влияние и образец для подражания. Эрн говорит о столкновении в русском сознании в петровскую эпоху двух форм духовного опыта, традиционно-православного и новоевропейско-протестантского. Воздействие новоевропейского «рационализма» Эрн уподобляет гигантскому молоту, кующему «русское самосознание на исторической наковальне, воздвигнутой гением великого Петра». «Рационализм» захватывает русское сознание в самой его глубине, тревожит что-то чрезвычайно важное в нем, до-трагивается до его сущностного нерва, – порождая специфическую ответную реакцию. Эта креативная проблематичность восприятия обусловлена тяжбой между «коренными и глубочайшими основами человеческого сознания»¹⁶, актуализированными в глубине одного сознания, русского, в силу его специфической «двувозрастности». «Культура нового Запада с Возрождения идет под знаком откровенного разрыва с Сущим и ставит себе задачей всестороннюю внешнюю и внутреннюю *секуляризацию* человеческой жизни»¹⁷. Другой опыт, опыт традиционной христианской культуры (включая католичество), полагает существо человека в его неразрывной связи с Абсолютом-Логосом, космосом (эпифанией божественного Логоса) и «внутренним человечеством» (Логосом-Софией-Церковью). В этом случае предельным земным осуществлением человека является подвижник, святой, подвигом просветления воли (обожение) восстанавливающий единство земного и небесного.

Проникая в традиционную «почву», внутренней данностью которой является опыт святости («Фиваида»), «рационализм»

при всей своей рефлексивной, понятийно-категориальной разработанности и утонченности – а во многом благодаря этой последней – вызывает в русском сознании «возмущение», дискомфорт, проблематизацию. Это не конфликт двух философий, поскольку философия на этой стадии одна, новоевропейская, в России же пока присутствует лишь «опыт» в неявленном, «запечатленном», до-рефлексивном состоянии (философия логизма, напомним, есть явление Античности и Средневековья). Оригинальная русская философия, рождающаяся в таком столкновении и противостоянии, есть сам *конфликт*, сама *борьба* двух различных интенций – *ratio* и *Logos*'а – в недрах единого сознания, – уже в рефлексивной форме. Это своего рода *герменевтический* процесс, процесс осознания, выявления, понятийной актуализации «родного» опыта логизма – под благотворным воздействием новоевропейского *ratio*:

...сознание Логоса в русской философии совершается под почти непрерывным исторически-благотельным реактивом западноевропейского рационализма, и в этом... смысле детальное усвоение всех более и противоречий рационализма нам необходимо для того, чтобы присущий нашей мысли логизм переходил из *dunamei on* в *energeia on* (из возможности в действительность. – О. М.)¹⁸.

Это повторяющееся Эрном понятие *реактива* связано, кстати, с его увлечением фотографией (реактив в традиционном, «доцифровом», фотоделе – активная химическая среда, приводящая к проявлению изображения на фотопластинке, пленке или фотобумаге). В этом герменевтическом процессе «чужая» философская традиция, вошедшая «принуждением Промысла и истории» в сердцевину духовной жизни России, выполняет *конструктивно-провоцирующую* роль, задевая сущностный нерв «родного» опыта, Это приводит, с одной стороны, к о-предел-ению самих оснований чужой традиции, проблематизации и пониманию их о-(т)-граниченности, с другой стороны – к мощному творческому движению поиска, выявления и осознания иных, «родных» оснований. Такой двунаправленный акт осуществляется посредством разработанного и разрабатываемого философского инструментария.

Из данной характеристики видно, что «рацио» для русского сознания не является чем-то вроде «внешнего стимула»; напротив, «рацио» интериоризируется в устройении русского сознания в качестве, подчеркну еще раз, конструктивно-провоцирующего момента. «Оба начала, и *ratio* и *Logos*, русская мысль имеет *внутри* себя, имеет не как внешне усвоенное, а как внутренне ее раздирающее»¹⁹.

Процесс этот имеет, по Эрну, вполне определённую и знаменательную направленность. Основной пафос русской культуры во второй ее фазе – «пафос мирового возврата к Отцу, пафос утверждения трансцендентизма, пафос онтологических святынь и онтологической Правды»²⁰.

В борьбе ratio и Logos'a рождается основоположное решение:

...вся моя характеристика русской философии... есть обоснованная историческим изучением попытка доказать существенно новый и оригинальный в сравнении с Западом leit-мотив русской мысли: *устремленность к логизму*²¹.

Предполагая первоначально назвать «путейский» сборник своих программных работ 1911 г. нейтральным «Очерки философские и критические», Эрн в итоге нашел название предельно краткое и емкое: «Борьба за Логос».

Примечания

- ¹ *Марченко О.В.* Fabulae selectae. М.: Асхань, 2016. С. 151–173.
- ² *Марченко О.В.* Очерки по истории философии. М.: Изд-во МГУП, 2002. С. 158–230.
- ³ *Трубецкой С.Н.* Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 491.
- ⁴ См.: *Martchenko O.* Le thème du “rationalism” de la Nouvelle Europe chez Pavel Florenski et Vladimir Èrn: quelques aspects // Pavel Florensky et l'Europe. Sous la direction de Florence Corrado-Kazanski. MSHA, Bordeaux, 2013. P. 47–60; *Марченко О.В.* Круглое мышление (об одном понятии у Флоренского и Эрн) // «Философствовать в религии»: Материалы конф., посвящ. столетию выхода книги «Столп и утверждение Истины» о Павла Флоренского / [Сост. К.М. Антонов]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 64–74.
- ⁵ *Марченко О.В.* Обмененный взгляд: К истории творческих отношений Вячеслава Иванова и Владимира Эрн // Историческое и надвременное у Вяч. Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова. Десятая международная конференция / Под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Салерно, 2017. С. 267–276.
- ⁶ *Ern V.F.* Rosmini e la sua teoria della conoscenza. Ricerca sulla storia della filosofia italiana del XIX secolo / A cura di Rosalia Azzaro Pulvirenti. San Paolo [Milano], 2010; *Marčenko O.V.* Alcune parole sul filosofo russo V. Ern // Ibid. S. 477–496.
- ⁷ *Марченко О.В.* В поисках своеобразия русской философии: В.Ф. Эрн // Философия в России XIX – начала XX в.: Преемственность идей и поиски самобытности. М.: ИФАН, 1991. С. 101–113; *Он же.* Владимир Эрн и его

- концепция русской философии // В.Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 824–855, 966–972.
- ⁸ Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 147.
- ⁹ Эрн В.Ф. Природа мысли // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 4. С. 832–833.
- ¹⁰ Эрн В.Ф. Сочинения. С. 423.
- ¹¹ Переписка П.А.Флоренского и В.Ф. Эрна / Публ., коммент. Н.Н. Павлюченко // Русское богословие: Исследования и материалы. М.: ПСТГУ, 2015. С. 173–201.
- ¹² Эрн В.Ф. Розмини и его теория знания: Исследование по истории итальянской философии XIX столетия. М.: Путь, 1914. С. 39.
- ¹³ Там же. С. 40.
- ¹⁴ Марченко О.В. О Владимире Эрне, софиологии и неопатристическом синтезе // Софиология и неопатристический синтез: Богословские итоги философского развития. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 33–43; *Он же*. *Fabulae selectae*. С. 135–149.
- ¹⁵ Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода: Жизнь и учение. М.: Путь, 1912. С. 22, 23; ср.: Эрн В.Ф. Сочинения. С. 82, 85, 86, др.
- ¹⁶ Эрн В.Ф. Григорий Саввич Сковорода. С. 26, 24.
- ¹⁷ Эрн В.Ф. Сочинения. С. 388.
- ¹⁸ Там же. С. 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 388.
- ²¹ Там же. С. 112.